

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

К.А. Сагалаев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Обрядовый фольклор северных хантов как объект визуальной фиксации¹

Культ медведя занимает особое место в традиционной культуре народов Сибири и Северной Америки. Соседство с этим хищником, постоянный риск встречи с ним на его территории нашли свое отражение в многочисленных мифах, преданиях, легендах и песнях о непростых взаимоотношениях человека – «царя природы» и медведя – настоящего хозяина тайги. Квинтэссенция этой части духовной культуры аборигенов Севера – Медвежий игрища, или медвежий праздник. В той или иной форме он известен у североамериканских индейцев (тлинкитов, атапасков, алгонкинов), народов Сибири (кетов, эвенков) и у аборигенов Камчатки и Дальнего Востока (коряков, нивхов, ульчей), однако наиболее яркую, красочную форму он обрел у обско-угорских народов – манси и хантов, превратившись в многодневное, многолюдное и многожанровое действо, не оставляющее равнодушным никого из зрителей, и тем более – участников.

В обско-угорском «медвежьем фольклоре» одновременно содержатся установки на поведение (например, для охотников), и в то же время дается мифологическая картина окружающего мира, населенного людьми и сверхъестественными существами. Эта полифункциональность – лишь одна из составляющих сложности медвежьего культа. Другая проблема для исследователя – многожанровость медвежьих игрищ. Медвежий праздник, расчлененный на составляющие части, представляет собой обширное полотно, включающее в себя элементы большинства жанров традиционной культуры обских угров – от танцев и сатирических сценок, представляющих сферу профанного, до медвежьих песен и песен духов-миш, относящихся к миру сакрального.

В этой связи стоит вспомнить о том, что обско-угорские медвежьи игрища неоднократно описывались с этнографической, музыковедческой, текстологической, лингвистической точек зрения, и к настоящему моменту уже накоплен обширный материал на эту тему. Следует упомянуть исследования В.Н. Чернецова, Н.В. Лукиной, З.П. Соколовой, В.М. Кулемзина, Е. Шмидт, Т.А. Молданова, О.В. Мазур, Г.Е. Солдатовой и др. Вместе с тем, анализ медвежьего праздника именно с позиций визуальной антропологии до сих пор произведен не был – скорее всего, в силу самой «молодости» этого научного направления. Необходимость такого анализа можно считать «назревшей», так как многие важные части обряда, не содержащие вербального и музыкального компонентов, оказываются обойденными вниманием текстологов и музыковедов. Примерами могут служить окуривание помещения перед началом обряда, осыпание входящих в помещение участников и зрителей снегом и т.д. На наш взгляд, особый интерес с точки зрения визуальной фиксации представляет

---

¹ Статья написана в рамках проекта 21.5.2. программы РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

возможная зависимость оптимальной методики съемки от жанровой принадлежности той или иной части медвежьего праздника. Поэтому в данной статье мы ставим перед собой цель рассмотреть медвежьи игрища именно как объект визуальной антропологии и попытаться с этой позиции выделить составляющие части медвежьего праздника. По нашему мнению, такое членение будет в значительной степени отличаться от принятых в фольклористике и этномузыковедении жанровых классификаций.

Материалом для написания статьи послужили медвежьи игрища, прошедшие в поселке Казым Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа в декабре 2002 г. Следовательно, речь пойдет о фиксации именно северохантыйского варианта медвежьего праздника, поскольку локальные различия между северной и восточной традициями иногда достаточно велики.

В составе группы работали два видеооператора с цифровыми видеокамерами и два этномузыковеда, записывавшие полностью звуковое сопровождение, также на цифровые носители. В обоих случаях, однако, запись не стала всеобъемлющей: в силу объективных причин не было зафиксировано на видео, например, изготовление ритуального хлеба в виде зверей. Аудиофиксация также не затронула всего объема исполненных произведений, т.к. на финальное жертвоприношение на священном месте музыковеды, будучи женщинами, допущены не были.

Что касается общего термина для обозначения части медвежьих игрищ, независимо от ее жанровой принадлежности, то в научной литературе распространен термин «номер» [Молданов; Мазур]. Будучи, возможно, оправданным с иных точек зрения, этот термин вряд ли может быть применим с позиций визуальной антропологии, так как обязательно предполагает направленность действия на какую-либо аудиторию. Такая направленность действительно есть в большинстве составляющих медвежьих игрищ – песнях (*Кайёянг ар 1. Тут л'эвум Мосум ар*. («Песня обгорелого Назыма»)), танцах, особенно ярко выражена в сценках, где зрители зачастую сами участвуют в действе (сценка «Филин ищет жену»). Однако есть моменты, которые могут быть классифицированы как отдельные «акты» в большом «спектакле» медвежьих игрищ, но тем не менее не подразумевают восприятия со стороны зрителей. Таков, например, обряд очищения зала дымом чаги (перед вносом медведя), изготовление ритуального хлеба (которое, к слову, так и не было зафиксировано нами). Вряд ли может быть названо «номером» жертвоприношение, круг присутствующих на котором жестко ограничен. В связи с этим термин «эпизод» представляется нам более удачным с точки зрения визуальной антропологии, так как его семантика лишена этого компонента общения со зрителем. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить именно об **эпизодах** медвежьих игрищ, понимая под ними четко выделяемые из общего потока части обряда (обряд в данном случае – весь медвежий праздник), имеющие выраженные начало и конец и подлежащие определенной методике фиксации.

Разножанровость медвежьего праздника предполагает разнообразие методик видеосъемки, при этом в некоторых случаях оптимальная методика может устойчиво применяться при съемке самых разных эпизодов.

С точки зрения условий проведения эпизоды медвежьих игрищ могут быть разделены на:

1. Проводимые в помещении (изначально – в чуме или в деревянном доме. В нашем случае праздник проводился в новом поселковом клубе). Таких эпизодов – большинство: это медвежьи песни, песни духов миш и менк, сценки, танцы. Примером их могут служить «*Кайёянг ар*» (медвежьи песни, исполняемые в первый день), сценка «*Тац ортты ёх*» («Наследство делящие»), песня духа Миш «*Пил'танг кал икет*» («Мужчины с Пил'танг кал»). В этом случае оба оператора присутствуют в зале; один снимает со штатива непрерывный общий план, другой

перемещается по залу в поисках наилучшего ракурса для среднего и крупного (в отдельных случаях – сверхкрупного) плана. На него ложится выбор наиболее важных и интересных деталей обряда, а также тех, которые недоступны для фиксации первой камерой (например, в тех случаях, когда спины исполнителей заслоняют происходящее).

2. Проводимые на открытом воздухе (жертвоприношения во второй и третий дни). В первом случае жертвоприношение двух оленей проводилось в музее под открытым небом в окрестностях пос. Казым, во втором – одного оленя принесли в жертву в тайге на священном месте (у трех берез, растущих из одного корня), также неподалеку от Казыма. Структура обоих обрядов была примерно одинаковой, за исключением того, что жертвоприношение в тайге завершилось ритуальным привязыванием оленьей шкуры к верхушке священного дерева, о чем будет отдельно сказано ниже. При фиксации эпизодов данного типа оба оператора также присутствуют на месте проведения обряда. Отличительная особенность заключается в том, что нужно заранее выбрать ракурс, поскольку в глубоком снегу передвигаться трудно. «Технический» нюанс состоит в необходимости иметь камеру с возможностью ручной настройки экспозиции и баланса белого, т.к. при съемке в автоматическом режиме в зимнем лесу цвет изображения будет синеватым. Желательно также использовать соляные обогреватели на камеру и аккумуляторы большой емкости, т.к. на холоде они разряжаются гораздо быстрее.

3. Сочетающие в себе действие как на открытом воздухе, так и в помещении (доставка медведя к месту проведения игрищ). Отличительная особенность этой части обряда – в том, что параллельно с ней проходил обряд окуливания помещения клуба дымом чаги. Поэтому один оператор выехал к хозяину медведя, чтобы зафиксировать его вынос, а другой остался в клубе снимать очищение. В тот момент, когда участники обряда стоят по обе стороны закрытой двери, у каждого из операторов есть возможность снять все, что происходит на его стороне. В результате при монтаже может быть получен адекватный событию видеоряд.

С точки зрения цельности действия эпизоды могут быть разделены на:

1. «Цельные», т.е. не делимые на составные части и потому не требующие смены методики съемки. Продолжительность эпизода во времени в данном случае роли не играет; к этой категории можно отнести как «медвежьи песни», так и многие сценки (например, *Тац ортты ёх* («Наследство делящие»)). В этом случае выбранная перед началом эпизода методика съемки не меняется до конца эпизода, а у оператора, снимающего на первую (статичную) камеру, даже нет надобности следить за движением в кадре из-за отсутствия такового. С этой точки зрения данная категория эпизодов представляет собой наименьшую трудность для оператора и исследователя.

2. Эпизоды, в которых можно выделить несколько частей (например, в сценке «Беду приносящие» участники сначала сидят, затем перемещаются по залу, а в конце исполняют танец по кругу). В подобных эпизодах оба оператора должны быть готовы отреагировать на возможные изменения в динамике эпизода, чтобы исключить потерю информации. В отдельную категорию эпизодов здесь могут быть выделены священные песни, исполняемые в конце третьего дня медвежьих игрищ. Их отличительной особенностью является то, что один исполнитель статичен, а другой (играющий роль духа) движется по залу. В этом случае первая камера следит за вторым участником, а первый исполнитель при этом почти не попадает в кадр.

Исходя из условий освещенности в момент проведения эпизода, можно выделить:

1. Эпизоды с нормальной степенью освещенности. Они составляют подавляющее большинство; это все эпизоды, проходящие в помещении, а также жертвоприношение, проводимое на третий день игрищ. Стоит, однако, отметить, что,

если бы игрища проводились не в новом клубе, а в обычном деревенском доме, наверняка потребовались бы дополнительные источники света. В нашем же случае они все равно присутствовали, т.к. кроме нашей группы, на игрищах были операторы двух телекомпаний. Что касается жертвоприношения, то оно также может быть отнесено к этой категории лишь условно, т.к. при пасмурной погоде и чуть более позднем времени суток освещения также было бы недостаточно.

2. Эпизоды, в которых имеющееся освещение не позволяет получить желаемого качества изображения. Прежде всего, это относится к моменту, завершающему жертвоприношение наутро после третьего дня и, таким образом, являющемуся кульминацией обряда медвежьих игрищ как такового. Речь идет о ритуальном привязывании шкуры оленя, принесенного перед этим в жертву, к верхушке священного дерева. В нашем случае оно проходило в сумерках (в декабре на этой широте день очень недолог), и, естественно, это сказалось на качестве видеоизображения. Выходов из этой ситуации может быть предложено несколько – использование переносных источников света, работающих от аккумуляторов, использование функции «ночной съемки» (естественно, если такая функция заложена в камере), и, наконец, съемка «так, как есть», то есть без использования дополнительного освещения и прочих технических приспособлений. Заметим, что использование осветительных ламп в тайге принесет в видеоматериал «эффект студии», а изображение, полученное при помощи «ночной съемки», также (и даже в еще большей степени) отнимает у фиксируемого явления его, пожалуй, главное качество – аутентичность. При съемке без дополнительного освещения и т.д. оператор (зачастую он же – исследователь) выигрывает как раз в аутентичности, несмотря на неизбежные в этом случае технические погрешности в качестве материала.

Исходя из целей, которые ставит перед собой группа при фиксации медвежьих игрищ, из «конечного продукта», ожидаемого как результат съемок, можно выделить некоторые эпизоды, которые, возможно, не потребуют фиксации на видео в полном объеме. В том случае, если целью съемок является создание фильма, отражающего все основные моменты (или даже, можно сказать, практически все моменты), составляющие полотно медвежьего праздника, и тем не менее направленного на определенную (достаточно широкую) аудиторию, на наш взгляд, нет нужды полностью фиксировать на видеокамеру «медвежьи песни», продолжительность которых составляет иногда до шести часов. Здесь достаточно снять лишь фрагмент песни (пять-десять минут), чтобы показать манеру исполнения, и те ситуации, которые могут возникнуть в кадре по ходу исполнения песни (естественно, о них необходимо знать заранее). Например, во время исполнения *Кайёянг ар. Ил'ы вухал'ты ар* («Песни о спуске медведя») медведю подносят угощение, что как необходимый элемент обряда также требует фиксации. Если же группа ставит перед собой задачу зафиксировать **весь** обряд (то есть всю совокупность эпизодов, составляющих медвежий праздник), тогда даже такие – многочасовые – песни должны быть сняты от начала и до конца. Такая задача стояла и перед нашей группой (конечной целью съемок было создание видеоприложения к тому «Медвежьи игрища казымских хантов» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»).

В заключение отметим, что предложенная классификация является одной из возможных, и подлежит дальнейшей разработке и усовершенствованию. В настоящее время проводится полная расшифровка записанных текстов. Наличие полной записи позволит нам позже провести ее камеральную обработку путем совместного ее просмотра с основными исполнителями и знатоками традиционной культуры хантов. Аудиовизуальная запись танцев, сопровождаемых пением, позволит музыковедам и этнографам провести полный и достоверный анализ медвежьих игрищ северных хантов.

Литература

Молданов Т.А. Картина мира в медвежьих игрищах северных хантов: XIX-XXI вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2002.

Мазур О.В. Медвежий праздник казымских хантов как жанрово-стилевая система. Дисс. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1997.